

— Ты всё равно приставлен ко мне, к чему такая спешка? — Лю Юнь зевнул, и от нахлынувшей сонливости снова прикрыл глаза. — Сегодня можешь не выходить на службу, отдыхай.

— Слушаюсь. — Му Ли был искренне рад внезапному выходному. Он ответил, одеваясь, затем тщательно закрыл дверь в покои Лю Юня и только после этого направился к себе.

Небо всё ещё оставалось непроглядно чёрным, ночной воздух был прохладен. Му Ли шёл и улыбался, вспоминая недавний сон. Неужели его осудили лишь из-за нелепого падения маленького Ванъе?

Нет. То было лишь случайностью, но именно эта случайность позволила навесить на него ещё одно обвинение.

Настоящий заговор скрывался за кулисами.

В тот вечер, на пиру в честь его победы, Император с улыбкой произнёс: — Генерал Лу, хотя вы и редко бываете в столице, но каждый ваш приезд не ускользает от зоркого взгляда Юньцина. Он с самого детства восхищается вами. Сегодня великий день вашего триумфа, не могли бы вы одолжить ему своё копье, принесшее победу, чтобы он мог полюбоваться им?

Разве мог он отказать, когда Император сам попросил? Тем более, что Император, едва закончив фразу, не дожидаясь ответа, уже отправил людей за оружием.

А маленький Ванъе Мо Юньцин был необычайно взволнован — для него возможность коснуться оружия генерала Лу была великой честью. Но он забыл, что человек, подобный его августейшему брату, не стал бы помогать просто так.

Копье принёс лично самый приближённый к Императору евнух. Подойдя к нему, тот прошептал: — Если не признаешь вину, все присутствующие здесь воины будут казнены за государственную измену. Восемь тысяч гвардейцев снаружи ждут приказа генерала.

Сердце у него ёкнуло. В голове пронеслось: всё кончено.

Он поднял глаза, посмотрел на своих воинов, с которыми делил тяготы жизни и смерти, затем перевёл взгляд на сияющего от восторга Мо Юньцина и молча принял копье, направляясь к юноше.

Он уже понял, как поступить. Он сам вложил копье в руки Мо Юньцина и попутно показал ему приём из своей коронной техники владения копьем, которой гордился всю жизнь.

Когда в конце евнух пришёл забрать оружие, чтобы вынести его из дворца, он, оставаясь вне поля зрения окружающих, толкнул его под локоть. Копье вонзилось прямо в грудь Мо Юньцина.

Оно не вошло глубоко, так как он успел вовремя сдержать удар, лишь расправив кожу на груди юноши. Но чего никто не ожидал, так это того, что наконецник был отравлен сильнейшим ядом. Маленький Ванъе рухнул на месте, а его самого тут же схватили по обвинению в покушении на члена императорской семьи.

Видя, как все его воины взывают к справедливости, он тут же признал свою вину.

Надо признать, нынешний Император идеально подходил для своего трона: он умел быть жестоким и легко отбрасывал чувства. Пройдя путь от простого солдата до генерала, он завёл множество боевых товарищей и обрёл верных друзей, с которыми прошёл через огонь и воду.

Они были словно кузнечики, связанные одной верёвкой: вместе двигались, вместе отдыхали. Если бы кто-то решил уничтожить самого крупного из них, остальные в страхе разбежались бы.

Поэтому Император нашёл способ заставить самого главного кузнечика самому спрыгнуть с этой верёвки!

Так остальные, даже если были недовольны и возмущены, не решились бы в одночасье бросить всё и уйти.

На самом деле, поступок Императора был расчётлив. Он провёл на границе более двадцати лет, и его влияние было столь велико, что если бы он действительно задумал мятеж, у него были бы неплохие шансы на успех. Поступив так, Император устранил угрозу, сделав своё положение более стабильным.

Только вот самого генерала, у которого не было ни единой мысли о предательстве, такое поведение Императора заставило похолодеть от разочарования.

Тем более, он собственными глазами видел, как Мо Юньцин внезапно споткнулся, подавшись вперёд. Если бы это не было заранее подстроено Императором, разве могла случиться такая сцена?

Когда его старые соратники пытались выгородить его, он лишь улыбался: — Несправедливости нет, всё так и было. Не просите за меня больше.

Обвинение было шито белыми нитками, но раз он сам признал вину, никто не мог сказать ни слова.

Он знал: если бы они действительно готовили мятеж, то при должной подготовке смогли бы прорваться из дворца. Но желания такого не было, а если бы они подняли бунт сейчас, то неминуемо погибли бы.

К тому же он уже понял, что в еде и вине что-то было подмешано — его внутренняя энергия

таяла с каждой секундой.

Благодаря его чистосердечному признанию и мольбам военачальников, Император смягчил наказание. Учитывая двадцатилетнюю службу на благо страны, он сохранил генералу имя, но по обвинению в оскорблении императорской семьи лишил его должности и отправил в родные края возделывать землю.

Кто же знал, что по пути домой он всё равно не избежит злой участи.

Му Ли очнулся от воспоминаний, когда уже стоял у двери своей комнаты. Едва он вошёл, как увидел А-Фу, который сидел на кровати и спросил его: — Почему ты так поздно? Опять ходил упражняться? Зачем так долго? Не боишься, что организм не выдержит?

Упражняться?

Вспомнив, в чём заключались эти упражнения, Му Ли покраснел: — Кхм-кхм, у меня сегодня выходной, на службу не надо. Ты... ты иди один.

<http://bllate.org/book/18632/1794092>